

Практически весь состав Тайюаня (императорской медицинской академии) сорвался с места и поспешил к дворцу Аньшоу.

Дворец Аньшоу наполнился истошными криками Фэн Си, которая от невыносимой боли уже не заботилась ни о каком приличии. Повитуха держала Фэн Си за руку, её лицо было усыпано каплями пота. Она умоляла императрицу не кричать и побережь силы, но Фэн Си от дикой боли уже не контролировала себя и полоснула повитуху ногтями прямо по лицу. Та вскрикнула от неожиданности, и на её щеке проступили несколько кровавых царапин.

А-Вань, вернувшись со смоченной в горячей воде тканью, опустила взгляд и в ужасе закричала:

- Так много крови! Как же много крови льётся!

Повитуха, зажмурив один глаз от боли и едва удерживая брыкающуюся Фэн Си, сердито рявкнула на служанку:

- Ты чего развопилась?! А ну пошла вон отсюда! Найди мне несколько расторопных и ловких служанок! И передай придворным лекарям, что у Императрицы кончились силы, пусть живет стимулирующий роды отвар!

А-Вань торопливо закивала, всё ещё бестолково и суетливо пытаясь вытереть кровь.

Повитухе едва хватило сил удержаться, чтобы не вышвырнуть её пинком:

- Да пошла отсюда скорее!

А-Вань, спотыкаясь и чуть ли не на четвереньках, бросилась вон из покоев. У неё действительно не было ни малейшего опыта в принятии родов. Более того, она попала во дворец всего несколько лет назад, и когда её внезапно приставили прислуживать Императрице, она ещё долго оплакивала свою горькую долю. Все прекрасно знали, что власть Сына Неба с каждым днём тает, и Бог весть когда он окончательно падёт. Кто в будущем станет истинным хозяином Запретного города, никто предсказать не мог. Ни одна из дворцовых служанок не горел желанием идти к Императрице, поэтому её, как самую беззащитную и не имеющую связей, просто вытолкнули вперёд. И теперь, столкнувшись с подобным кошмаром, А-Вань могла лишь проклинать свою несчастливую судьбу.

Тем временем Ли Цзюй изо всех сил бежал по Запретному саду. Воины гвардии Хубэнь расчищали перед ним дорогу, а юные евнухи позади надрывались, пытаясь удержать парадный зонт. Они бежали, задыхаясь, но никак не могли угнаться за стремительным шагом императора.

Подбежав к дворцу Аньшоу, Ли Цзюй наткнулся на двух служанок, которые тут же склонились в приветствии. Он бесцеремонно оттолкнул их в стороны, ворвался внутрь и, схватив за грудки стоявшего у дверей придворного лекаря, яростно закричал:

- Что с Императрицей?! Всё ли с ней в порядке?! Где Наш принц?!

Лица нескольких старых лекарей были мрачнее тучи. Видя их нерешительность и то, как они замялись, готовые вот-вот умолчать о главном, Ли Цзюй почувствовал, как его сердце бешено заколотилось. Вся ярость от недавнего обмана на совете хлынула наружу, и он выместил её на лекарях. С силой рванув на себя шестидесятилетнего старика, он повалил его прямо на пол:

- Говори! Что с Моей Императрицей?! Верните Мне Моего принца!

- Ваше Величество, смените гнев на милость. - Старый лекарь, переживший на своём веку уже несколько правителей, оставался абсолютно спокоен, даже оказавшись на полу. Несмотря на растрёпанную одежду и сбившийся головной убор, его голос не дрогнул. Распластавшись на земле, он доложил:

- Из-за преждевременных родов у Императрицы началось сильное кровотечение. После того как она приняла лекарство, угроза миновала, и Её Величество только что уснула. Что же касается плода... Нам, вашим слугам, не удалось его спасти. Просим Ваше Величество покарать нас за это преступление.

Ещё в тот момент, когда старый лекарь принимал из рук повитухи мёртвый плод, он прекрасно понимал, что за этого не успевшего даже открыть глаза и не увидевшего белый свет принца, ему придётся заплатить собственной головой. Бороться и умолять о пощаде было бессмысленно. Раз уж он выбрал это ремесло, то изначально шёл на подобный риск: близость к государю - всё равно что близость к тигру. Он принимал свою участь.

Повитуха, служанки и все лекари Тайюаня стояли на коленях, смиренно ожидая кары от Сына Неба.

Ли Цзюй глухо произнёс:

- Принесите... принесите Нашего сына. Я хочу взглянуть на него.

Повитуха подала ему завёрнутого в шёлковую ткань мёртвого младенца и поспешно опустилась обратно на колени.

Ли Цзюй посмотрел на этого некрасивого новорождённого. Тот походил на маленького монстра, совсем не был похож ни на Императрицу, ни на него самого.

- Это маленькая принцесса... - едва слышно прошептала повитуха.

Ли Цзюй покачнулся. Перед его глазами всё поплыло и потемнело. Какая жестокая насмешка судьбы! Кто, ну кто так изощрённо издевается над ним?!

Двое евнухов поспешили поддержать его под руки:

- Ваше Величество, берегите своё драгоценное здоровье!

- Здоровье? Моё драгоценное здоровье?! - Ли Цзюй с силой пнул стоявшего слева евнуха, отчего тот отлетел в сторону. Император взревел в безумном неистовстве:

- Неужели Я - истинный дракон?! Сын Неба, отмеченный судьбой?! Если это так, почему Я не смог уберечь даже собственное дитя?! А?! Отвечай! - Кричал он на упавшего евнуха. - Скажи Мне! Кто Я такой на самом деле?! КТО?!

Неистовый гнев, тревога, сокрушительное поражение... Ли Цзюй, слишком долго сдерживавший себя, на самом пороге безумного восторга от грядущего триумфа был безжалостно сброшен на самое дно бездны. Фэн Куня уже не спасти, да и дитя больше нет. Кто у него остался? Кто ещё у него есть? Его любезная старшая сестрица Ли Яньи, что жадными глазами смотрит на его поднебесную империю... Если подумать теперь, то её кровь, которой она харкала у ворот Жунина, и её безумная, яростная брань были не более чем ловушкой! Всё ради того, чтобы усыпить его бдительность, заставить поверить в скорую победу, толкнуть на опрометчивые шаги и завлечь в западню.

Ли Цзюй распластался на полу, горько рыдая.

В это мгновение он был не Сыном Неба, а раздавленным в щепки неудачником, трусом, не способным защитить тех, кто ему дорог.

Повитуха и лекари, стоя на коленях, растерянно переглядывались. Воины гвардии Хубэнь и молодые евнухи тоже пребывали в нерешительности: утешать его нельзя, не утешать тоже нельзя, и никто не знал, как поступить.

Ли Цзюй прекрасно понимал: они лишь напуганы, в них говорит одно лицемерие. Даже если они сделают шаг вперёд и произнесут слова утешения, это будет идти не от чистого сердца. А лишь потому, что он - Сын Неба, и в его руках всё ещё сосредоточена власть!

Но осталась ли она? Быть может, у него не осталось даже той последней, жалкой капли власти.

Кто у него есть? Никого, совсем никого...

Вдруг чья-то рука легла на спину Ли Цзюя, а другая крепко и уверенно подхватила его под локоть. Без каких-либо лишних уговоров этот человек одним мощным движением поднял его с колен.

- Ваше Величество - мудрый и священный правитель. Вы повелеваете Цзянху, ваш разум равен солнцу и луне, вам негоже склонять колени.

Ли Цзюй, чьё лицо было залито слезами, обернулся. Его ухоженная, аккуратная борода теперь была испачкана в соплях, а в покрасневших, опухших глазах отразилось лицо мужчины. Этот человек был облачён в лёгкий серебряный доспех, от него всё ещё веяло дорожным жаром, а обжигающее тепло его ладони сквозь одежду передавалось руке Ли Цзюя.

- Се... Се Фучэнь?

Се Фучэнь помог Ли Цзюю подняться, а затем распростёрся ниц:

- Старый слуга явился слишком поздно, прошу Ваше Величество простить мне мою вину.

Ли Цзюй смотрел на рваную кровавую рану на спине Се Фучэня, где кровь уже успела запечься. Раньше этот человек всегда следил за собой до мельчайших деталей, а теперь стоял перед ним с засаленным лицом, растрёпанными волосами и заросший щетиной. Невзирая на тяжёлое ранение, он мчался и в хвост и в гриву, под покровом звёзд и луны, лишь бы оказаться рядом с ним.

Ли Цзюй глубоко вздохнул и вернул себе привычное самообладание. Он передал платок подошедшему евнуху, разом вытер все слёзы и сопли и сам поправил съехавший императорский венец. Казалось, будто мгновение назад горько рыдал вовсе не он.

- Мы уже очень давно ждали главу цензората. Идёмте, проследуйте за Нами в императорский кабинет, нам нужно обсудить важнейшие дела.

- Слушаюсь.

Се Фучэнь поднялся на ноги, и Ли Цзюй размашистым шагом направился прочь. Старый лекарь в нерешительности приоткрыл рот, собираясь что-то сказать, но в этот момент Се Фучэнь обернулся и холодно бросил:

- Всю эту ораву, что не смогла как следует уберечь своего господина, бросить в императорскую тюрьму в ожидании суда.

Воины гвардии Хубэнь хором выкрикнули:

- Слушаемся! - И, выступив вперёд, похватили всех до единого. Повитуха и А-Вань в слезах умоляли о пощаде, но Се Фучэнь остался глух к их крикам и последовал за Ли Цзюем в императорский кабинет.

Войдя в комнату, Ли Цзюй в малейших подробностях рассказал Се Фучэню обо всём, что произошло за последние несколько дней.

- Теперь Фэн Куня уже не спасти. Обвинение в сговоре с врагом и государственной измене - это совсем не то же самое, что растрата казённых средств. Это Мы проявили беспечность. Мы и подумать не могли, что у Ли Яньи и Вэй Луны волчьи и лисьи сердца, они вырыли такую огромную яму и заставили Нас в неё прыгнуть.

- Ваше Величество слишком поторопились. Почему Вы не дождались возвращения вашего старого слуги, чтобы вместе обдумать ответные меры?

- Разве Мы не оттого ли поспешили? Безумная брань Ли Яньи у городских ворот неизбежно заставила бы Вэй Луны объединиться с Чжансунь Яо и Линь Цюанем, чтобы оказать на Нас давление. Мы хотели опередить их на один шаг, но кто же знал... - Ли Цзюй со всей силы ударил кулаком по стене, обернулся и с надеждой спросил Се Фучэня:

- Глава цензората Се, что Нам делать теперь, когда всё зашло так далеко? Неужели всё уже предрешено и ничего нельзя исправить?

- Нет, - простое, короткое слово Се Фучэня подействовало на Ли Цзюя как успокоительная пилюля, его парящее в невесомости сердце мгновенно вернулось на место. Он почувствовал, что от Се Фучэня исходит точно такая же уверенность и непоколебимость, как от Вэй Луны и Линь Цюаня. Глубокая, основательная и надёжная.

Надежда есть. Возможно, у него всё ещё есть надежда.

Се Фучэнь пункт за пунктом изложил Ли Цзюю план дальнейших действий. Выслушав его, Ли Цзюй ещё долго сидел на стуле, не в силах прийти в себя.

Се Фучэнь был невероятным человеком.

В своём стратегическом мышлении он далеко превосходил Вэй Луны и Линь Цюаня. Он уже давно насквозь видел все замыслы фракции Ли Яньи. Нет, Ли Цзюй посмотрел на этого пугающего мужчину, и тот просчитал даже ошибки, которые мог совершить молодой Сын Неба, и включил их в свой план.

Безмолвие Се Фучэня таило в себе силу, способную в одиночку удержать небосвод. Будь на его месте кто-то другой, Ли Цзюй вряд ли бы поверил, но Се Фучэню он верил безоговорочно.

- Глава цензората Се, какое счастье, что у Нас всё ещё есть вы. Какое счастье, что у Великой Юй всё ещё есть вы... - Ли Цзюй сжал руку Се Фучэня, и слёзы безудержно покатались из его глаз.

Се Фучэнь произнёс:

- Поддерживать и спасти государство - это долг каждого подданного. Семья Се из поколения в поколение кормилась из рук Великой Юй, мы никогда не станем уподобляться крысам и псам, что пресмыкаются перед сильными мира сего ради выгоды.

- Что же Нам нужно делать прямо сейчас?

- Вашему Величеству больше ничего делать не нужно. Вам требуется лишь помочь Императрице восстановить здоровье, чтобы она как можно скорее снова забеременела и понесла принца.

При мысли о Фэн Сии сердце Ли Цзюя пронзила острая, словно от укола иглы, боль. Будучи верховным Сыном Неба, он не смог защитить даже собственную женщину и дитя... Он... Ли Цзюй закрыл глаза, заставляя себя больше не думать об этом.

Отныне всё будет так, как велит Глава цензората Се.

Обычно голоса заговорщиков в переднем зале звучали очень тихо, так что уже в десяти шагах от двери ничего нельзя было разобрать. Но сегодня там, похоже, праздновали какое-то радостное событие: Чжэнь Вэньцзюнь ещё издали услышала доносившийся изнутри безудержный смех Ли Яньи.

От этого смеха Ли Яньи вдруг зашлась кашлем. Рана на её боку уже почти затянулась, но из-за подобного веселья снова разошлась. Скрывая острую боль, принцесса согнулась пополам, однако улыбка не сошла с её лица.

- В этот раз всё прошло на редкость гладко! Как жаль, что я не смогла лично увидеть его потрясённое и сокрушённое лицо прямо на совете! - Ли Яньи подняла чарку, салютуя в сторону, где сидел Вэй Лунь. - Иметь на своей стороне столь мудрых и преданных мужей великое благословение для меня. Прошу, господи, эту чарку я пью за вас!

Чжэнь Вэньцзюнь, делая вид, будто подметает пол, медленно приближалась к залу, желая расслышать, о чём они говорят. Проходившая мимо тётушка А-Цянь хлопнула её по плечу:

- Госпожа Вэньцзюнь, почему вы стоите снаружи и не заходите?

Она бы и рада войти, но с тех пор, как в самый первый день Ли Яньи пригласила её внутрь и выделила скромное место в углу для присутствия, принцесса больше ни разу не обращала на неё внимания. Не могла же она ворваться без приглашения.

Чжэнь Вэньцзюнь постеснялась сказать об этом прямо, но А-Цянь насквозь видела её мысли и принялась мягко убеждать:

- Её Высочество трудится день и ночь, не смыкая глаз, ей приходится заботиться о слишком многом. У неё тысячи советников, и она просто не в состоянии помнить о каждом. Но все, кто смог попасть в это поместье Хуайчэнь - люди, пользующиеся безграничным доверием Её Высочества. Если у госпожи Вэньцзюнь есть стоящие стратегии, вам нужно самой проявить инициативу и вызваться. - А-Цянь загадочно улыбнулась и указала пальцем в небо:

- Если молодая госпожа желает совершить великие деяния и заслужить признание, за это нужно бороться.

Бороться?

Слова А-Цянь не на шутку взбудоражили Чжэнь Вэньцзюнь. И в самом деле: в эту эпоху ожесточённого соперничества, да ещё и в момент, когда Старшая Принцесса борется за власть, для женщин Поднебесной открывается редчайшая, уникальная возможность. Вспомнив, что в переднем зале среди прочих восседают и женщины-стратеги, Чжэнь Вэньцзюнь почувствовала, как в её сердце разгорается пламя. Ли Яньи - её лучший и единственный шанс. Если ей удастся завоевать доверие принцессы и стать её верной опорой, то в тот день, когда Ли Яньи взойдёт на престол и станет первой в истории женщиной-императором, сможет ли она, Чжэнь Вэньцзюнь, тоже занять высокий государственный пост? И какое тогда дело будет до Вэй Тинсуй? Вэй Тинсуй к тому времени, возможно, уже выйдет замуж за Чжансунь У и нарожает детей. Вот и славно, вот и чудесно.

Напутствие тётушки А-Цянь придало Чжэнь Вэньцзюнь уверенности. Она подошла к дверям. Воины гвардии Хубэнь давно запомнили её лицо и знали, что она является спасительницей семьи Вэй, поэтому они даже не думали преграждать ей путь. Чжэнь Вэньцзюнь глубоко вздохнула и осторожно приоткрыла дверь.

Ли Яньи как раз восседала за центральным столиком и поднимала чарку, собираясь выпить за присутствующих. Заметив в дверной щели слегка взволнованное лицо Чжэнь Вэньцзюнь, она прервала своё движение, вытянула шею и посмотрела на неё:

- Сестрица Вэньцзюнь, ну же, заходи.

Только тогда Чжэнь Вэньцзюнь смело распахнула дверь.

- В последние дни навалилось слишком много дел, и я совсем позабыла о тебе, сестрица. Однако я исправно принимаю те лекарства, что ты мне дала, и раны заживают намного быстрее. Это целиком твоя заслуга. Идём, сестрица, я пью за тебя.

Эта привычка Ли Яньи при каждом удобном случае поднимать чарки с чисто разбойничьим, удалым размахом совсем не вязалась с образом Старшей Принцессы, выросшей в стенах глубокого императорского дворца. Она куда больше походила на вольного странствующего воина, предавшегося радостям свободной жизни. Осушая чарку вместе с ней, Чжэнь Вэньцзюнь невольно вспомнила об А-Синь, прошедшей через огонь и воду южных и северных походов. Должно быть, Ли Яньи переняла этот характер под её влиянием: такая же щедрая, открытая и лишённая всякого жеманства.

После того как вино было выпито, Ли Яньи велела слугам принести ещё один столик, и Чжэнь Вэньцзюнь, как и прежде, устроилась в углу, внимательно слушая их беседу.

Экипаж, идущий вразрез с комендантским часом, катился по переулку Лои в городе Жунин. Стук копыт, раздававшийся в длинном и узком проулке, перекачивался глухим эхом. Сама повозка выглядела неприметно: простые узоры, блёклые цвета. Однако кучер её явно был человеком незаурядным: с взором голодного ястреба и сверкающими, как молнии, глазами. От всего его существа веяло такой тяжёлой, смертоносной аурой, такой, что сразу становилось ясно: его руки по локоть в крови. Смотреть ему прямо в лицо никто бы не осмелился.

Экипаж доехал до самого тупика переулка Лои и замер. Путь ему преграждали ржавые железные ворота. Они были наглухо обмотаны толстыми цепями и заперты на замок, а по ту сторону ворот стояли два иссиня-чёрных свирепых пса. Почуввав запах живых людей, псы

неистово залаяли, скаля клыки и брызжа слюной.

В этом месте круглый год царила промозглая сырость, и никто из горожан не смел приближаться сюда. Одно упоминание этого заведения наводило на людей смертный ужас: то была императорская тюрьма, созданная специально для заточения особо важных преступников.

В отличие от обычной большой тюрьмы Жунина, куда сажали местное отребье, хулиганов и отпетых головорезов, здесь содержались исключительно высокопоставленные государственные чины. И если человек однажды переступал порог этих железных ворот, выйти отсюда целым и невредимым было делом из разряда невыполнимых. Для сановников эти ворота служили чертой, разделяющей мир живых и мир мёртвых: входя в императорскую тюрьму, нужно было заранее готовиться к смерти.

Бывший министр двора и по совместительству губернатор округа Суйчуань, Хун Ай, как раз и томился в этих стенах.

Едва кучер остановил повозку, как двое ночных тюремных смотрителей, привлечённые лаем собак, выскочили к дверям. Обнажив клинки, они грозно прикрикнули:

- Кто такие?! Как вы посмели явиться к императорской тюрьме посреди ночи?!

- Это я. - Тканевая занавесь экипажа приподнялась, и наружу вышел мужчина лет сорока. Его синее холщовое одеяние было столь же простым, как и сама повозка, однако от него веяло утончённостью и мягким благородством учёного мужа. Даже заметные морщинки в уголках глаз не могли скрыть его по-прежнему красивых черт лица. Он слегка приподнял руки в приветственном жесте, обращаясь к смотрителям:

- Прошу простить за столь поздний визит. Окажите любезность, господа.

С этими словами он разжал пальцы, и из его ладони скользнул жетон, на котором был выбит иероглиф «Ли», повиснув прямо перед глазами изумлённых стражников. Кучер развернул документ, который был прошением на посещение, заверенным официальной печатью Гуань Сюня.

Увидев перед собой императорский жетон и печать Гуань Сюня, смотрители наконец разглядели и лицо ночного гостя. Они поспешно оттащили свирепых псов в сторону и распахнули железные ворота.

Тем временем Ли Яньи и её окружение обсуждали затяжные проливные дожди на юге. На протяжении всей беседы Чжэнь Вэньцзюнь так и не смогла найти подходящую тему, чтобы вставить своё слово. Впрочем, этот вечер нельзя было назвать совсем уж бесполезным: когда присутствующие начали расходиться, один молодой учёный окликнул её:

- Госпожа Чжэнь, вы помните меня?

Этот бледнолицый учёный, казалось, только что перешагнул двадцатилетний рубеж, и только начинал отращивать бороду, однако он уже был очень высоким, на целую голову выше Чжэнь Вэньцзюнь. По сравнению с такими утончёнными красавцами, как Чжансунь У, он выглядел куда более просто и сурово, но в нём чувствовалась твёрдость характера, редкая для обычных учёных.

Судя по его тону, они уже встречались раньше, но Чжэнь Вэньцзюнь решительно ничего не помнила. Если уж она со своей великолепной памятью умудрилась забыть эту встречу, значит, их знакомство ограничилось лишь случайным, мимолётным взглядом в многоликой толпе.

Чжэнь Вэньцзюнь ответила как есть:

- Не помню.

Учёный сощурил глаза и с улыбкой произнёс:

- Я так и думал, что молодая госпожа вряд ли вспомнит. В ту ночь, когда Вэй Сыту специально ради вас устроил пышный банкет, я тоже там присутствовал. Мы даже перекинулись парой слов, но вы, должно быть, позабыли.

И правда позабыла, Чжэнь Вэньцзюнь лишь вежливо улыбнулась, не проронив ни слова и давая ему возможность продолжить.

- А вот я никак не могу забыть молодую госпожу. Ваша песня «Красный свадебный наряд» ранила меня в самое сердце, и я в тот же миг был покорён вашим голосом. Мне ещё никогда не доводилось встречать столь умную, чуткую, но в то же время страстную и открытую натуру.

Чжэнь Вэньцзюнь едва поверила собственным ушам. Про себя она подумала: Ты что, дурачок какой-то?!

- Моя фамилия Линь, имя Юэ, второе имя Бовэнь, и я двоюродный брат министра сельского хозяйства Линь Цюаня. Могу ли я называть тебя сестрой Вэньцзюнь? - застенчиво спросил Линь Юэ, покраснев.

Из глубины подземелья донёсся звук волочащихся по полу железных цепей. Лязг и грохот приближались всё ближе. Лишь когда этот звук замер у самых дверей камеры, Се Фучэнь обернулся, встретившись взглядом с только что приведённым Хун Аем. Он слегка взмахнул рукой, и двое державших арестанта тюремщиков тут же послушно удалились.

- Глава цензората Се, - Хун Ай опустился на колени, приветствуя Се Фучэня.

Се Фучэнь бережно подхватил его под руки и поднял:

- Юань Бинь, не нужно этих церемоний. Я пришёл к тебе этой ночью, чтобы обсудить одно важное дело.

Увидев Се Фучэня, Хун Ай не смог сдержать слёз, наводнивших его глаза. Отродясь он не терпел подобных мук. Тюремное одеяние в императорской тюрьме представляло собой лишь один слой тонкой, грубой рогожи, а из еды давали только просо да пустую похлёбку. Гуань Сюнь не ведал к нему ни малейшей жалости: после череды жестоких пыток на теле пленника не осталось ни единого живого места, а пальцы рук были раздроблены и искалечены так, что в будущем он, скорее всего, никогда больше не сможет держать кисть.

Но ещё более невыносимыми для него были те преступления, которые на него навесило судебное ведомство. Он провёл в этих стенах уже почти два месяца, и мало того, что был полностью лишён связи с внешним миром, даже его родной дядя, Фэн Кунь, ни разу здесь не появился. В самом начале дядя тайно передал ему через своего человека: «Ни в коем случае

не признавай вину! Продержись под пытками, и я обязательно тебя вытащу». Однако шло время, дни сменяли друг друга, а его так никто и не навестил, отчего сердце Хун Ая неизбежно наполнилось животным страхом и паникой. И вот сегодня, наконец-то увидев знакомое лицо, он, словно утопающий за соломинку, мёртвой хваткой вцепился в предплечья Се Фучэня и взмолился:

- Это ведь дядя попросил Главу цензората прийти ко мне?! Как там мои жена и дочь? Есть ли кому о них позаботиться? Я знаю, что дяде сейчас негоже самому являться сюда, но умоляю главу передать ему: Хун Ай никогда не набивал собственные карманы и не присваивал средства, выделенные на помощь пострадавшим от голода! И уж тем более я не вступал в сговор с врагом и не предавал государство! Меня совершенно точно кто-то подставил, и это дело рук девки из семьи Вэй! Всё ради того, чтобы прибрать к рукам округ Суйчуань! Глава цензората, умоляю, помогите мне поскорее найти выход, нельзя допустить, чтобы я безвинно сгинул в этой тюрьме!

Се Фучэнь попытался его успокоить:

- Юань Бинь, не паникуй. Твою супругу и дочь твой почтенный отец уже забрал к себе в поместье и окружил должной заботой.

Услышав, что его близкие в безопасности, Хун Ай почувствовал, как огромный камень частично свалился с его души. Но тут Се Фучэнь продолжил:

- На самом деле, причина моего визита кроется в том, что мне нужно обсудить с тобой одно дело. Вернее сказать... у меня есть к тебе великая просьба.

С этими словами Се Фучэнь почтительно сложил руки перед грудью и низко, до самой земли, поклонился Хун Аю.

Пальцы Хун Ая, сжимавшие руки Се Фучэня, невольно разжались. Он отступил на несколько шагов назад и медленно, с трудом выдавливая слова, произнёс:

- Я узник, чей завтрашний день покрыт мраком неизвестности. Что ещё я могу сделать для Главы цензората?

Се Фучэнь ответил:

- О том, о чём просит Се, мне и самому крайне тяжело говорить. Даже если другие не знают о твоей невинности, Юань Бинь, мне она прекрасно известна. Беда лишь в том, что враги наши слишком хитры, они намертво закрепили все улики по делу о растрате средств. Его Величество изначально хотел выгородить тебя и заставить судебное ведомство отпустить тебя на свободу. И когда вся правда уже готова была всплыть наружу, они подбросили эти фальшивые письма о сговоре с врагом. Ли Яньи на этот раз твёрдо вознамерилась использовать тебя как брешь, чтобы полностью уничтожить фракцию твоего дяди, генерала Фэна.

Если это случится, Сын Неба в будущем останется в полном одиночестве, без единой опоры. Юань Бинь, доказать свою невинность теперь для тебя труднее, чем подняться на седьмое небо. Каждое слово в этих письмах указывает на твоего дядю, выставляя тестя правителя главным кукловодом и предателем родины. Сейчас Его Величество сдерживает весь натиск, не позволяя судебному ведомству немедленно вынести тебе смертный приговор, но, по моим оценкам, правитель не продержится и нескольких дней.

Хун Ай долго молчал. Наконец он абсолютно спокойно посмотрел на Се Фучэня и спросил:

- Глава имеет в виду... что я должен взять всю вину на себя?

Се Фучэнь произнёс:

- У Се нет иного выбора, кроме как просить Юань Биня поставить во главу угла общие интересы государства. Пожертвуй своей малой жизнью, чтобы спасти от гибели весь твой клан и защитить будущее Сына Неба Великой Юй.

Хун Ай понимал, что Се Фучэнь явился сегодня, чтобы забрать его жизнь, но услышать это из его уст было всё равно невыносимо. Неужели дядя тоже так считает? Пожертвовать его одной-единственной жизнью, чтобы выкупить покой и спасение для всего поместья великого генерала? Спасти неизбежность трона Сына Неба? Но как же тогда судьбы его жены, дочери, родителей и всего клана Хун?! Будь то растрата или сговор с врагом - это в любом случае смертные грехи, влекущие за собой истребление всей семьи!

Грудь Хун Ая бурно вздымалась, словно вся переполнявшая его ярость готова была хлынуть наружу:

- Известно ли главе, что если я признаю вину, то полнейший крах моего честного имени - это ещё полбеды?! С каким кошмаром и бедствием столкнутся тогда мои жена, дочь, родители и весь род Хун?! Неужели, признай я вину, мой дядя сможет остаться в стороне и избежать кары?! Ведь он мой родной дядя! К тому же, я этого не совершал, с какой стати я должен брать на себя эти грехи?! Неужели в Поднебесной больше нет никакого закона?!

Се Фучэнь произнёс:

- Боюсь, под жестокими пытками у тебя не будет и дня, чтобы доказать свою правоту. К тому же, враги пришли во всеоружии, подготовив исчерпывающие и неопровержимые улики. Юань Бинь, у тебя сейчас нет ни единого шанса вернуть всё вспять. Если ты сможешь поставить во главу угла общие интересы, я могу гарантировать тебе, что твои жена, дочь, родители и весь клан Хун спасутся и избегут беды. Сегодня ты безвинно погибнешь в тюрьме, но в будущем, когда Его Величество сможет по-настоящему взять бразды правления двором в свои руки, наступит день, когда с твоего имени снимут все ложные обвинения. В противном случае прямо на твоих глазах погибнет куда больше людей, и, разумеется, род Хун будет среди них. Тогда и семья Фэн разделит эту участь. Великая Юй падёт в руки злодеев, и что тогда станет с простым народом?

Лицо Хун Ая стало серым, как пепел:

- Неужели действительно нет совсем никакой надежды?

- Будь здесь хоть малейший, призрачный шанс на спасение, Се ни за что не осмелился бы скрыть это от тебя.

Хун Ай посмотрел на него, и в его глазах блеснули слёзы:

- Мой дядя... он тоже принял такое решение?

Се Фучэнь промолчал.

Хун Ай вдруг рассмеялся. Его растрёпанные волосы дрожали, а леденящий душу, пронзительный смех ещё долго отдавался эхом в мрачных стенах императорской тюрьмы, не желая утихать.

В последнее время Чжэнь Вэньцзюнь получала много писем, и одно из них особенно привлекло её внимание. Письмо было от Бу Цзе, а на ярлычке отправления значилось место: «Дунчунь».

Бу Цзе каким-то образом оказался в Дунчуне.

В своё время она просила Бу Цзе помочь ей разыскать следы матушки. Хотя она не стала посвящать его в подробности своих взаимоотношений с семьёй Се и уж тем более не упоминала, что находится в засаде подле Вэй Тинсюй, она всё же указала ему несколько возможных мест и на словах описала внешность матушки, попросив помочь с поисками, как только он освободится после весенней пахоты.

Если посчитать по дням, весенняя пахота и впрямь уже завершилась. Бу Цзе писал в письме, что в Нанья с самого начала весны непрерывно шли проливные дожди, спровоцировавшие сход потоков, из-за чего многие деревни у подножия гор оказались погребены под грязью и камнями. Не проруби двор заранее речные каналы, чтобы увести воду на север, бедствие в Нанья в этот раз приняло бы куда более чудовищные масштабы. Впрочем, в последние дни сильные дожди начали постепенно смещаться к северу, так что истощённые долгой засухой северные земли Великой Юй, возможно, получают шанс на улучшение ситуации. Сам же Бу Цзе находился в пути из Нанья уже более двух месяцев: двигаясь на северо-запад, он последовательно миновал округа Цинцзи, Пинцан и Дунчунь, обыскав каждый возможный угол, однако следов госпожи Сяо так и не обнаружил. Закончив проверку в Суйчуане, он направится в Жунин, чтобы воссоединиться с ней и продолжить поиски уже в самой столице.

Бу Цзе в делах всегда следовал весьма нестандартным путям, и раз уж он прямо заявил, что «обыскал каждый угол», Чжэнь Вэньцзюнь верила: вероятность того, что матушка находится в одном из этих округов, крайне мала. Поговаривали, будто Се Фучэнь отправился на север, неужели он мог увести матушку туда? Исключено. Передвижения Се Фучэня не могла насквозь просчитать даже Ли Яньи, что говорило о его глубочайшей скрытности. Он наверняка уехал ради важнейших государственных дел и не стал бы таскать за собой заложницу.

Где же тогда спрятана матушка? Размышляя об этом, Чжэнь Вэньцзюнь находила ситуацию довольно странной. Судя по всему, семья Се уже должна была получить переданное ею послание, однако никаких дальнейших указаний или планов от них не поступало. Эта их неспешность и медлительность вселяли смутную тревогу.

Из этого письма Чжэнь Вэньцзюнь подметила ещё одну деталь, которая её изрядно зацепила.

Наводнение на юге и прорубка речных каналов? Всё последнее время она безвыездно провела в поместье Хуайчэнь и совершенно ничего не знала об этих двух событиях. Но стоило соединить их вместе, как она учуяла весьма необычный душок. Об этом деле ей непременно нужно найти возможность доложить Ли Яньи.

Другая стопка писем была от Линь Юэ.

После того как Линь Юэ открыл ей свои чувства, он принялся с бешеной частотой строчить Чжэнь Вэньцзюнь любовные послания. Этот господин обладал великолепным слогом, недаром в столь юном возрасте сумел стать советником Ли Яньи. Даже обычные любовные записки у него пестрели цитатами из классиков и изящными оборотами.

Немного подумав, Чжэнь Вэньцзюнь всё же написала ему ответ. Едва получив её письмо, Линь Юэ пришёл в неописуемый восторг, но стоило ему развернуть свиток, как оказалось, что все

вопросы в нём касались исключительно наводнения на юге. Этот недотёпа, проявив крайнее простодушие, честно и подробно расписал ей всю обстановку с паводками.

Внимательно изучив ответное письмо, Чжэнь Вэньцзюнь окончательно во всём удостоверилась. Похоже, предчувствие её не обмануло: кто-то втайне за кулисами просчитывал и выстраивал каждый шаг. Ей необходимо предупредить Старшую Принцессу, дабы та проявила бдительность.

Что же касается оставшегося плотного свёртка шёлковой ткани, то он прибыл от Вэй Тинсюй.

Вэй Тинсюй прислала ей письмо.

Красивые иероглифы на шёлке действительно были выведены её собственной рукой. На протяжении более чем тысячи знаков она рассказывала о том, что как раз сейчас возвращается с севера. Помимо скрытого предупреждения о необходимости побережись от уже вернувшегося в Жунин Се Фучэня, она, не скупясь, изливала на этих строках свою тоску и нежность.

Чжэнь Вэньцзюнь с абсолютно каменным лицом, слово за словом, дочитала послание до конца. Затем она отыскала на кухне медный таз для подачи блюд, бросила туда письмо Вэй Тинсюй и принялась смотреть, как строки, полные глубокой привязанности и любви, одна за другой превращаются в пепел. Чжэнь Вэньцзюнь в этот момент даже бровью не повела.

<http://bllate.org/book/17227/1659877>